И. Я. КОВАЛЬ

ЖЕСТОКАЯ БОРЬБА

Из истории Московского уголовного розыска 1917–1919 г.

И. Я. Коваль

ЖЕСТОКАЯ БОРЬБА

Из истории Московского уголовного розыска 1917–1919 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва - 1963

В предлагаемой читателю брошюре рассказывается о героической борьбе сотрудников Московской милиции и Московской Чрезвычайной комиссии в первые годы Советской власти.

Брошюра написана на основе анализа неопубликованных архивных материалов, прессы того периода и других документов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

В первые годы Советской власти вопрос о жизни молодого социалистического государства решался не только на фронтах гражданской войны, но и в борьбе с преступностью. В тот период особенно большую опасность представлял вооруженный бандитизм. Враги Советской власти пытались опереться на преступные элементы. Это был противник скрытый, действовавший в тылу исподтишка, с ним необходимо было вести продолжительную и упорную борьбу.

Ликвидация бандитизма в стране была одним из условий упрочения диктатуры пролетариата. В постановлении Совета труда и обороны от 8 декабря 1920 г., посвященном задачам борьбы с бандитизмом на Украине, подчеркивалось: «Очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни и смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую самостоятельную стратегическую задачу» [1].

В центре России, в частности в Москве, накануне и в первые месяцы после Октябрьской революции бандитизм принял угрожающие размеры. 25 января 1919 г., по указа-

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 19. Протокол Совета труда и обороны № 172 от 8 декабря 1920 г.

нию В. И. Ленина, Военный комиссар Москвы и Московской губернии издал специальный приказ, которым на борьбу против бандитов и налетчиков были мобилизованы не только отряды ВЧК и милиции, но и все воинские части Московского гарнизона. Столица молодой Советской республики была объявлена на военном положении.

История упорной и героической деятельности Советской власти по ликвидации преступности, доставшейся в наследство от прогнившей царской России, представляет большой интерес.

В данной брошюре освещаются некоторые вопросы работы по борьбе с бандитизмом в первые годы Советской власти, которую развернули работники уголовного розыска в Москве в 1917—1919 гг. В основу работы положены архивные документы, материалы журналов и газет тех лет, воспоминания старых работников милиции и ВЧК.

■

Наследие прошлого

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Россия представляла собой экономически и политически отсталую страну.

Грубое беззаконие, взяточничество, ложь и продажность процветали во всех звеньях государственного аппарата.

Одной из характерных черт русской действительности того периода был постоянный рост преступности.

Вот типичная картина города дореволюционной России: «Пройдемся по городу и начнем нашу прогулку с окраин. Немощеные улицы, на которых лежит слой мелкой, как пудра, пыли. Каждый шаг подымает облака этой душной, вызывающей кашель пудры. Повсюду ямы и колдобины, в которых того и гляди сломаешь ногу. Никакого света на улицах нет. Кромешная тьма. Лишь кое-где на пуховик пыли ложится бледная полоска света керосиновой лампочки, тускло горящей за окном в этот поздний час. В ночную тишину врывается вдруг отчаянный вопль: «Караул! Грабят!» Крик обрывается стоном, и снова тишина. Слышен только глухой топот быстро бегущих ног. Продолжая наш путь, мы неожиданно натыкаемся на лежащего в пыли человека. Он хрипло дышит. Зажигаем спичку и видим, что человек держится рукой за бок и между его пальцами текут струйки крови. Он еще жив, но глаза его уже тускнеют. Нужна срочная помощь врача. Но врачи не живут на окраинах. Нужно позвонить по телефону, вызвать скорую помощь. Но теле-

фон в городе роскошь. Никакой скорой помощи в городе нет. Истекая кровью, ограбленный бандитами человек умирает на улице. Никто не поможет. Никто не рискнет выйти на улицу, боясь за свою жизнь. И зачем особенно беспокоиться? Это самое обычное ночное происшествие на этих улицах. Утром пройдет городовой, остановит проезжающего ломовика. Вдвоем, они грубо, как мешок, бросят мертвое тело на подводу и свезут в морг у старинных городских ворот. А если ограбленный еще жив, то его сдадут в больницу «богоугодного заведения», в набитую людьми, как матрац клопами, убогую палату с потеками дождевой воды на потолке» [1].

Москва накануне революции представляла собой многолюдный город с грязными, узкими улочками, громадными рынками, тысячами трактиров и кабаков, ночлежными домами, толкучками, воровскими притонами.

В годы первой мировой войны в стране резко возросла преступность, в Москве в 1915—1917 гг. и особенно после февральской буржуазной революции она приняла невиданные размеры. Этому в большой мере способствовала политика Временного буржуазного правительства. 18 марта 1917 г. министр юстиции А. Ф. Керенский издал указ о полной амнистии всем бандитам, грабителям и убийцам, которые были осуждены до февральской революции. Амнистия объяснялась, по тексту закона, необходимостью способствовать «напряжению всех творческих сил народа» в защиту нового государственного порядка, якобы открывающего путь «к обновленной и светлой жизни и для тех граждан, которые впали в уголовные преступления». Амнистированные уголовники призывались к защите родины и отечества в целях «утверждения законности в новом строе» [2].

По сообщению либеральной буржуазной московской газеты «Утро России», на основании указа об амнистии из Московской губернской тюрьмы было освобождено 800 крупных преступников-рецидивистов, из Московской пересыльной тюрьмы — 400, из женской тюрьмы — 250 и т. д. Всего по данным начальника Московской милиции

[1] Б. Лавренев, Моему юному другу, «Новый мир» 1957 г. № 11, стр. 7.

[2] См. «Утро России» 18 марта 1917 г.

Временного правительства меньшевика Никитина на свободе в Москве оказалось более 3000 опасных преступников [1].

Большинство амнистированных, выходя на свободу, не имели ни денег, ни одежды. Тюремный комитет, который раньше снабжал их необходимыми вещами и деньгами, теперь был лишен возможности прийти на помощь. В этих условиях многим амнистированным часто вновь приходилось даже вопреки своему желанию вспомнить прежнее ремесло. Однако это мало беспокоило Временное буржуазное правительство. В известном смысле уголовная преступность была даже на руку эксплуататорским классам, так как отвлекала внимание народа от революционной борьбы.

Любопытен следующий факт. В мае 1917 года по Москве распространялось такое воззвание: «Товарищи воры и грабители! Мы живем сейчас как травленые звери, принужденные насилием добывать себе пропитание или помирать от голода, ибо «честные» и сытые не допускают нас к честному труду. Каждый день все больше и озлобление против нас и озлобление наше против всех. Мы забытые люди. Опека над нами поручена сыщикам. Но мы не родились преступниками. Голод и нищета заставили нас воровать и грабить. Сейчас никто не дает нам труда и чистого документа, не поддержит нас морально, не сделает честным. Только мы можем это сделать. Товарищи, надо нам сообща обсудить все наши дела и недуги, надо найти выход, создать свою организацию, свою газету, надо порвать с жизнью преступлений и травли» [2].

Авторами воззвания были амнистированные Муров и Брыкин, которые приглашали желающих прийти на митинг в Харитоньевский работный дом. «Приходите все, братья-преступники, взрослые и малолетние», — призывали они. 7 мая 1917 г. в Харитоньевском работном доме собралось около ста амнистированных преступников. На собрание пришли также известный юрист проф. М. Н. Гернет, рабочий Васин и другие. Представитель рабочих Ва-

---

[1] См. «Утро России» 29 апреля 1917 г.

[2] «Утро России» 9 мая 1917 г.

син призывал бывших уголовников становиться на честный путь труда, обещая им поддержку со стороны пролетариата. Ряд ораторов из среды преступников отмечали, что все русское общество страшно раздражено, ежедневно озлобленная толпа совершает самосуды. Но кражи и грабежи, отмечали они, совершают теперь не только амнистированные преступники, но и такие лица, которые раньше не совершали преступлений. По свидетельству выступавших, на путь преступлений теперь все чаще становятся сотрудники так называемой «народной» милиции Керенского. Торжественно объявленная и разрекламированная амнистия, говорили они, привела лишь к росту преступности.

Действительно, положение в стране было очень тяжелым. Почти ежедневно в Москве совершались дерзкие уголовные преступления — убийства и грабежи. Воровство стало обычным явлением.

Деятельность властей отличалась такой рутиной и неповоротливостью, что практически не была заметна. Подавляющее большинство преступлений оставалось не раскрытыми, суды работали нерегулярно. Следствие велось крайне медленно, должностные лица брали взятки, совершали подлоги и т. д. Иными словами, новая государственная власть в силу своего классового характера не могла по-настоящему бороться с преступностью.

Под давлением общественного мнения Временное правительство «в целях успешной борьбы с уголовными преступлениями», правда, создало специальный отдел розыскной полиции, но создание этого отдела фактически ничего не изменило. В известной мере это объяснялось и тем, что руководителем отдела был назначен бывший начальник московского отделения царского сыска К. П. Маршалк. Сыскное отделение более чем на половину состояло из бывших царских служащих и сохраняло все традиции и методы времен самодержавия. Наиболее характерной чертой деятельности ведомства Маршалка оставалось то, что оно не только не пыталось опереться в борьбе с преступностью на население города Москвы, но, наоборот, всячески стремилось удержать народ от участия в наведении общественного порядка в городе.

По существу при Временном правительстве борьба с преступностью не велась. По данным Временного правительства, за первые шесть месяцев 1917 года число опасных преступлений, совершенных в пределах Москвы, возросло в четыре раза[1]. Жители города были буквально терроризированы. Преступники действовали почти открыто, их наглость, казалось, дошла до предела.

В результате в Москве и Московской губернии во второй половине 1917 года безнаказанно действовало более 30 крупных банд, состоящих из профессиональных убийц и грабителей. Они имели широко налаженные связи с преступным миром почти всех больших городов центральной и южной России, в их распоряжении была сеть воровских притонов, мест хранения и скупки награбленного, в ряде случаев преступники действовали с ведома и в сообществе с официальными чинами полиции и сыскного отделения. Число убийств, ограблений, изнасилований возрастало. Не проходило буквально ни одного дня, чтобы в московских газетах не сообщалось о совершении тяжких уголовных преступлений.

В одной из заметок газеты «Утро России» сообщалось, что 15 июня 1917 г. шайка грабителей днем совершила нападение на помещение Союза московских потребительских обществ, находящееся на Преображенской улице. Грабители подъехали на машине, заняли все выходы, перерезали кабель телефонной сети. В это время в различных помещениях союза находилось более 70 человек. Грабители обошли все здание, забрали 100 тыс. руб. и уехали[2].

В той же газете сообщалось, что в Петрограде вооруженные грабители подъехали на автомашине к зданию сената, ранили сторожа и, не дав дежурному чиновнику подойти к телефону, забрали многие ценности: золотую статую императрицы Екатерины II (стоимостью свыше 500 тыс. руб.), три фигуры конных трубачей, уникальный ларец Петра Великого, представляющий величайшую редкость, похитили ряд других драгоценностей на сумму более 1,5 миллионов золотых рублей[3].

---

[1] См. «Утро России» 23 июля 1917 г.
[2] См. «Утро России» 15 июня 1917 г.
[3] См. «Утро России» 22 июля 1917 г.

В Москве наиболее дерзко и активно действовали бандитские шайки, во главе которых стояли закоренелые преступники-рецидивисты: Плещинский («Гришка-адвокат», Сафонов («Сабан»), Филиппов, он же Павлов, он же Крылов («Козуля»), Кошельков («Янька Кошелек») и другие. Участники этих шаек были между собой тесно связаны и нередко действовали совместно.

Плещинский, например, был закоренелым рецидивистом, во время налетов он, как правило, лично убивал свои жертвы. Банда Кошелькова свои разбойничьи налеты также производила с неслыханной жестокостью, не считаясь с количеством жертв. Главарь шайки Кошельков вместе с отцом был осужден первый раз в 1912 году, спустя несколько месяцев его судили вторично, в 1913 году он судился дважды, а в 1914 году его судили в пятый раз. После очередного побега из тюрьмы Кошельков в декабре 1914 года был снова осужден за кражу со взломом сроком на три года, однако вскоре опять бежал. В январе 1916 года Кошельков был осужден в десятый раз. После амнистии Временного правительства он вновь появился в Москве, где вскоре сколотил большую банду из числа наиболее дерзких налетчиков. О его бандитских похождениях знали не только в Москве, но и во многих других городах. Даже старые преступники-рецидивисты побаивались Кошелькова, который почти во всех случаях прибегал к грубой физической силе и убийствам. В банде Кошелькова орудовали преступники-рецидивисты Емельянов («Сережка барин»), Хохлов («Ванька Хохол»), Мартазин и многие другие. Банда насчитывала от 60 до 100 человек; когда Кошелькову нужны были «верные люди», ему помогали почти все преступники, действовавшие в Москве и ее окрестностях.

Большую опасность для мирного населения Москвы представляла шайка во главе с бандитами по кличке «Чума» и «Сашка Хромой». В нее входило 83 преступника, которые орудовали главным образом в районе Хитрова рынка. Они действовали почти легально, зачастую не только ночью, но и днем.

Чтобы представить себе, насколько безответственно и халатно относились к охране общественного порядка в Москве служащие так называемой «народной» милиции, со-

зданной Временным правительством из бывших полицейских, приведем такой пример. В конце июля 1917 года начальник московской милиции А. Н. Вознесенский решил проверить несение постовой службы в ночное время. При этом обнаружилось, что на большинстве постов милиционеров вообще не оказалось, на свистки и выстрелы не явился ни один из постовых милиционеров и с соседних постов. Из трех дежурных десятников в 4 Мещанском комиссариате милиции не оказалось ни одного. В резерве конных милиционеров, находящихся в Петровских казармах, отмечалось в отчете о проверке, «систематически происходили игры в карты, пьянки, драки» [1]. Прокурор Московской судебной палаты А. Сталь сообщал: «Суд обескровлен, обезлюдел. Преступность за время войны и за последние месяцы в особенности колоссально возросла, а вести следствие некому. Явление это, очевидно, общее для всей России, не одна Москва страдает от него. Ближайшим сотрудником следственных властей является городская милиция. Создание толковой милиции — задача не менее важная для дела правосудия. До сих пор толковой милиции у нас в Москве создать не удалось. На содержание милиции, на дело наружной охраны ассигнуют миллионы рублей ежегодно, но по части обеспечения жителей Москвы дела обстоят далеко не благополучно. В течение последних недель, например, в ночные часы можно проехать от Тверской площади до Бутырской заставы, не встретив на пути ни одного милиционера на посту» [2].

Для решительной борьбы с преступностью необходимо было создать совершенно новый аппарат, опирающийся на поддержку широких масс трудящихся. Этого, разумеется, не могли допустить руководители «народной» милиции Керенского. Они всегда рассматривали милицейские части как орудие в борьбе против революционных масс. В этом, по их мнению, заключалась главная задача «народной» милиции.

Однако вопреки воле господствующих классов в милицейскую среду все же проникали революционные настрое-

---

[1] «Утро России» 30 июля 1917 г.
[2] «Утро России» 30 июля 1917 г.

ния. Большую работу вели среди сотрудников «народной» милиции большевики, стремившиеся еще до Октября привлечь милицию на сторону революции. В ряде районов Москвы большевики добились известных успехов и пользовались авторитетом среди рядовых милиционеров. Вопрос о милиции занимал важное место в политической жизни Москвы после февраля. «Замена полиции народной милицией, — писал В. И. Ленин в апреле 1917 г., — есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстановляла полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ... Не дать восстановить полиции; привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции — таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции»[1].

Эта задача стояла перед революционным пролетариатом в Москве. После февральской революции Московский Совет рабочих депутатов, большинство голосов в котором имели эсеры и меньшевики, передал дело реорганизации милиции в руки буржуазного комитета гражданских организаций. В марте 1917 года этот комитет назначил начальником Московской милиции меньшевика А. М. Никитина, который не препятствовал привлечению в ряды гражданской милиции бывших полицейских. В основном городская милиция вербовалась из мелкобуржуазных элементов, в результате чего она в основе своей была вооруженной силой, противостоящей революционному народу.

Только в отдельных районах (Симоновском и др.) в состав милиции избирались рабочие.

В решениях общегородской конференции большевиков (3—4 апреля) была поставлена задача: «Организовать вооруженную народную милицию, состоящую под стро-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 49—50.

жайшим контролем пролетарских и крестьянских организаций»[1]. На многих фабриках и заводах начали создаваться группы рабочей милиции.

В августе 1917 года Московская профсоюзная организация милиционеров поставила на широкое обсуждение вопрос о повышении заработной платы и в случае отказа грозила забастовкой. Городской голова эсер Руднев, узнав об этом, заявил в своем обращении к милиционерам: «Не могу не выразить своего удивления по поводу допущенных союзом милиционеров угроз забастовкой. Милиция призвана охранять порядок и безопасность населения, она не может добиваться исполнения своих требований способами, которые связаны с лишением населения Москвы всякой охраны общественной безопасности, и забастовка милиции особенно в настоящее тревожное время явилась бы нарушением долга службы и гражданина. Еще менее понятно то, что центральный союз, очевидно, неправильно допускает перенесение принципов профессиональной классовой борьбы в область милиции, внутренняя структура которой, как исполнительного органа государственной власти, определяется особым законом о милиции»[2].

Попытки руководителей Временного буржуазного правительства помешать проникновению в милицейскую среду революционных настроений были несостоятельны. Партия большевиков направила на работу в милицию проверенных людей и еще до Октябрьской революции начала готовиться к созданию нового аппарата милиции. Большевики понимали, что революционная борьба включает в себя также и борьбу за наведение и поддержание общественного порядка в стране. Особую опасность для революции представляли анархия, погромы и грабежи. «Рабочая газета» (орган ЦК РСДРП(б) 13 октября 1917 г. в статье «Кто даст порядок?» с тревогой писала: «Изо дня в день множатся признаки растущей анархии. Погромы и грабежи стали обычным явлением, громят лавки, громят груженые вагоны, разбивают и растаскивают баржи с хлебом, идущие в город. У

---

[1] «История Москвы», т. VI, кн. I, изд-во АН СССР, 1957, стр. 28.

[2] «Утро России» 20 августа 1917 г.

революции нет худшего, нет более опасного врага, чем анархия»[1].

Социалистическая революция должна была наряду с выполнением своей главной задачи — свержение власти эксплуататоров и установление диктатуры пролетариата — ликвидировать тяжелейшее наследие царской России — преступность.

---

[1] «Рабочая газета» 13 октября 1917 г.

В дни Октября

Накануне Октября Москва была крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром России. По количеству населения она занимала первое место в стране. Число жителей превышало 2 млн. человек [1].

В. И. Ленин в ходе подготовки и проведения вооруженного восстания придавал особое значение Петрограду и Москве, так как от исхода борьбы рабочих в этих двух городах во многом зависела судьба революции в России. «Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно»* [2], — писал Владимир Ильич в сентябре 1917 года.

Когда в Петрограде началось вооруженное восстание, в Москве не знали об этом. Телефонная связь была прервана. Утром 25 октября в гостинице «Дрезден» открылось совместное заседание Московского городского, областного и окружного комитетов РСДРП (б). Решено было поручить большевистской фракции в Советах [3] создать

---

[1] См. «Вестник московской городской милиции», № 5, 6 октября 1917 г.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 3.

[3] Советы в Москве были созданы в первые дни после февральской революции. Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов существовали отдельно, большинство мест принадлежало эсерам и меньшевикам. Лишь 19 сентября 1917 г. большевики получили в исполкоме Совета рабочих депутатов большинство мест. Однако в Совете солдатских депутатов попрежнему заправляли эсеры и меньшевики.

боевой центр по руководству вооруженным восстанием — Военно-революционный комитет (ВРК). Избрание ВРК должно было произойти на объединенном пленуме Московского Совета рабочих депутатов и Московского Совета солдатских депутатов, созыв которого был назначен на 3 часа дня. Одновременно на заседании большевистских комитетов было решено создать партийный боевой центр для общего руководства восстанием.

Едва закончились выборы партийного центра, как из Смольного поступила телефонограмма от В. П. Ногина (делегата Москвы на II съезде Советов) о победе революции в Петрограде. Партийный центр, не дожидаясь избрания ВРК, начал действовать. Были приняты первые меры по непосредственной подготовке вооруженного восстания. Начальнику Красной гвардии[1] А. С. Ведерникову комитет поручил стянуть боевые революционные силы, занять почту, телеграф и другие стратегические пункты. Районным комитетам большевиков было предложено создать боевые центры, занять комиссариаты милиции, вызвать надежных людей и т. д.

В 6 часов вечера в Большой аудитории Политехнического музея открылось объединенное заседание советов по избранию ВРК. В состав Военно-революционного комитета вошли четыре большевика и три меньшевика. В дальнейшем состав ВРК значительно расширился, в него были включены представители профсоюзов и Красной гвардии.

Для руководства работой на местах ВРК образовал специальную комиссию, которая предложила всем местным Советам назначить районных комиссаров военно-революционных комитетов. Во все воинские части Московского гарнизона срочно были направлены комиссары из числа проверенных большевиков. В ряде районов 25—26 октября были назначены специальные комиссары милиции от ВРК. Это был первый шаг по формированию новой, действительно народной милиции. Утром 26 октября, например, Замоскворецкий районный ВРК, не дожидаясь приказа, отдал указание красногвардейцам, за-

[1] Красная Гвардия в Москве была создана в сентябре 1917 года.

нять комиссариат милиции. Комиссары Временного правительства, которые отказались подчиниться, были смещены. Вместо них были назначены новые (Пятницкий и Серпуховский комиссариаты). Революционные рабочие сами взяли руководство в свои руки, в результате чего, как сообщалось в постановлении Замоскворецкого ВРК, «комиссариаты функционируют нормально. 1-й и 2-й Якиманский работают в полном контакте с Замоскворецким революционным комитетом»[1]. 25—26 октября были созданы районные ВРК на Пресне, в Сокольническом районе, в Хамовническом и других. Почти все комиссариаты милиции были заняты красногвардейцами 26 октября.

---

[1] См. «Большевистские Военно-революционные комитеты», Госполитиздат, 1958, стр. 318.

ВРК в борьбе за революционный порядок

Сразу же после победы над буржуазией перед революционным пролетариатом встали сложные задачи. На первых порах в Москве власть находилась в руках Военно-революционного комитета, который превратился в исполнительный и одновременно законодательный орган. В резолюции расширенного пленума Московского областного бюро РСДРП(б) от 9—10 ноября 1917 г. признавалось необходимым привлечь самые широкие народные массы для содействия новой власти. «В этой работе местные народные организации не должны считаться с установленными ранее законными рамками, поскольку они не соответствуют интересам народа» [1].

Еще в дни вооруженных боев за власть Московский ВРК уделял большое внимание обеспечению революционной дисциплины. Это было тем более важно, что контрреволюция с самого начала хотела представить революционных рабочих и солдат в качестве главных нарушителей спокойствия и порядка в Москве. Не случайно городской голова Руднев продолжал утверждать, что только городская дума «есть единственная верховная власть в городе... на ней лежит конкретная задача — охрана безопас-

[1] «Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии. Документы и материалы», изд-во «Московский рабочий», 1958, стр. 16.

ности населения»[1]. В действительности ни городская дума, ни комитет общественной безопасности и не думали поддерживать порядок в Москве, наоборот, они всячески потворствовали погромам и грабежам.

На одном из первых заседаний Московского ВРК 27 октября было принято решение о необходимости срочно обеспечить охрану комиссариатов, служащие которых оставили работу. Комиссару милиции т. Пунко было поручено также по этому вопросу связаться с районными думами и районными Советами: «Смещение комиссаров и замена их другими в тех случаях, когда это является необходимым, — отмечалось в решении ВРК, — по всем комиссариатам допускаются только по соглашению с районными Советами и районными думами»[2]. В инструкции районным комиссарам Военно-революционного комитета, опубликованной 27 октября, были четко определены функции районного комиссара, который объявлялся «высшим и полномочным представителем комитета в пределах района». Районные комиссары назначали комиссаров «по различным отраслям гражданского управления районов», имели право производить в случае необходимости аресты и реквизиции, действуя «в полном контакте с районным Советом рабочих и солдатских депутатов»[3].

Московский городской и районные Военно-революционные комитеты были наиболее оперативными органами, они непосредственно проводили политику большевистской партии в жизнь, действуя решительно и смело. В дни вооруженных боев с контрреволюцией Военно-революционный комитет придавал серьезное значение обеспечению революционной дисциплины в тылу, рассматривая погромы, грабежи, мародерство как враждебные революции акты. Одним из важных мероприятий ВРК по пресечению преступности и поддержанию строгого порядка была борьба с грабежом винных складов, которые в ряде мест спровоцировали контрреволюционные силы.

---

[1] «История гражданской войны в СССР», т. 2, Госполитиздат, 1942, стр. 387

[2] «Большевистские Военно-революционные комитеты», Госполитиздат, 1958, стр. 273

[3] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг.», Госполитиздат, 1958, стр. 17—18.

В газете «Известия Московского Совета рабочих депутатов» 26 октября 1917 г. по распоряжению ВРК было напечатано следующее предупреждение: «Товарищи и граждане! Контрреволюция попытается сбить с толку народные массы, попытается устроить погром, подпоить отдельных несознательных людей. Пусть районные Советы примут все меры к охране имеющихся складов спирта. Пусть сами жители задерживают пьяных. Всякая попытка погрома, всякая попытка грабежа и буйства будет подавлена самыми беспощадными мерами» [1].

Это был первый развернутый призыв новой власти к широким слоям населения принять активное участие в борьбе за наведение общественного порядка в городе. Это было также и серьезное предупреждение тем, кто нарушал революционную дисциплину.

Аналогичные призывы к населению были опубликованы в виде отдельных листовок, плакатов и объявлений в газетах рядом районных Военно-революционных комитетов и Советов. 28 и 29 октября 1917 г. Замоскворецкий районный Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил и расклеил плакаты, призывающие рабочих и солдат соблюдать строжайший революционный порядок и дисциплину: «Враги народа будут стараться спаивать вас, они будут пытаться сделать из вас погромщиков. Им выгодно революцию против помещиков и капиталистов превратить в неорганизованный бунт.

Пьяным нет места в нашей среде!

Тот, кто спаивает солдат, *должен быть стерт в порошок!*

Победа уже на нашей стороне. Но мы можем упустить ее, мы будем разбиты и расстреляны нашими лютейшими врагами, если превратимся в кучу пьяных, если допустим, чтобы среди нас вертелись спаивающие народ проходимцы, нанятые капиталом» [2].

1 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет издал приказ об изъятии всего оружия и сдаче его в районные Советы в течение трех дней. «Военно-революционный комитет заявляет, — указывалось в приказе, — что

[1] «Известия Московского Совета рабочих депутатов» 26 октября 1917 г.

[2] «Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг.», Госполитиздат, 1954, стр. 128.

у него хватит сил в это тревожное время оградить жителей от нападений, грабежей и погромов»[1].

Большую роль в наведении в городе порядка сыграл декрет Народного комиссара по внутренним делам от 28 октября 1917 г. «О рабочей милиции»[2]. Декрет требовал, чтобы Советы рабочих и солдатских депутатов создавали отряды рабочей милиции для наведения и поддержания революционной дисциплины. Декрет (ст. 2) подчеркивал, что «рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов». Все военные и гражданские власти обязаны были содействовать вооружению и техническому снабжению рабочей милиции «вплоть до снабжения ее казенным оружием» (ст. 3).

В Москве отряды рабочей милиции находились в ведении ВРК, а позднее они подчинялись непосредственно Советам.

В ночь на 3 ноября на заседании Военно-революционного комитета был принят ряд важных решений по улучшению охраны порядка в Москве. Следственной комиссии ВРК было поручено улучшить освещение улиц и переулков для облегчения борьбы с погромами. На пост комиссара по гражданским делам Москвы, учрежденный 3 ноября по решению Московского партийного центра РСДРП (б), ВРК назначил старого большевика М. И. Рогова, на которого была возложена задача обеспечить революционный порядок в городе. На том же заседании ВРК «в изъятие из общего правила» принял решение уплатить жалованье милиционерам[3].

В ту же ночь был подписан приказ № 1 комиссара по гражданским делам г. Москвы при Военно-революционном комитете о восстановлении порядка и охране жителей, согласно которому временно воспрещалось хождение по улицам после 8 часов вечера без особых пропусков, в целях строгого соблюдения революционной законности запрещалось производство обысков без санкции Центрального или районного военно-революционного комите-

[1] «Большевистские Военно-революционные комитеты», Госполитиздат, 1958, стр. 315.
[2] СУ 1917 г. № 1, ст. 15.
[3] См. «Большевистские Военно-революционные комитеты», Госполитиздат, 1958, стр. 327, 329, 334.

та или комиссара [1]. Аналогичный приказ был издан также Центральным штабом Красной Гвардии.

Издание этих приказов диктовалось тем, что под видом обысков некоторые «темные личности, прикрывшись почетным званием красногвардейца и солдата революционной армии» производили грабежи и хищения. Впредь лица, производящие обыски без ордеров ВРК, объявлялись самозванцами и подлежали наказанию «со всей строгостью революционного порядка» [2].

Провести в жизнь эти важные революционные приказы можно было лишь с активным участием самого населения, которое призывалось оказывать энергичную помощь социалистическому государству в борьбе против всякого рода погромщиков и грабителей.

В целях предупреждения погромов и грабежей и привлечения к борьбе с преступностью широких масс населения на заседании Военно-революционного комитета было опубликовано обращение к населению.

Приведем этот интересный документ целиком: «Товарищи и граждане! В то время как солдаты-революционеры ведут отчаянную борьбу за вашу свободу, в их тылу бессовестные люди громят лавки и магазины. Товарищи и граждане! Людей, которые грабят на поле сражения, называют мародерами. Мародеров расстреливают без пощады на месте преступления. Та же участь постигнет и тех, кто им помогает и укрывает их. Мы не дадим позорить нашу революцию. Мы встали на защиту всех и всех будем оборонять от всяких врагов народа, будь это черносотенный помещик или черносотенный громила, потому что именно из громил и создается армия черной сотни.

Военно-революционный комитет объявляет, что он прибегнет к самым крайним мерам против зачинщиков погромов и их попустителей. Красная Гвардия будет охранять личность и имущество граждан всеми средствами, пуская в ход оружие при малейшем сопротивлении» [3].

Военно-революционный комитет Москвы с первых же дней начал большую работу по созданию новой советской

---

[1] См. «Большевистские Военно-революционные комитеты», Госполитиздат, 1958, стр. 333.

[2] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии», Госполитиздат, 1958, стр. 31.

[3] «Известия Московского Совета» 14 ноября 1917 г.

милиции и определению ее основных функций. 4 ноября 1917 г. ВРК утвердил приказ № 1 по милиции. В этом приказе комиссар по гражданской части Москвы предписывал: «1) Всем милиционерам и служащим комиссариата, признавшим власть Военно-революционного комитета, с 5 числа сего месяца приступить к исполнению своих служебных обязанностей.

2) Лицам командного состава комиссариатов, до сего времени не явившимся на службу, явиться не позже утра 6 числа сего месяца для сдачи всех дел и средств комиссариата...» [1].

О том, в каком состоянии находились городские комиссариаты, красноречиво свидетельствует доклад комиссара 4-го участка Мещанской части т. Златоровича на имя комиссара по гражданской части М. И. Рогова: «Работая с начала переворота вместе с тов. Касаткиным с 28 октября, мы совершенно лишены были помощников. Старших помощников по адм. гражданской части и уголовно-следственной части нет. После Вашего распоряжения прежние служащие приступили к работе 6 ноября и, проработав в канцелярии два дня, опять забастовали. Мне пришлось спешно сконструировать штат из лиц мне неизвестных» [2].

Особенно плохо обстояло дело с вооружением. По данным Златоровича, на вооружении в комиссариате имелось всего 22 берданки и 33 револьвера, 57 человек не были вооружены вовсе [3].

Несмотря на тяжелые условия работы и напряженную обстановку, Московский Военно-революционный комитет развил активную деятельность по охране общественного порядка, заложил основы нового аппарата милиции, основы общенародной борьбы с нарушениями общественного порядка.

---

[1] «Большевистские Военно-революционные комитеты», Госполитиздат, 1958, стр. 341.

[2] Московский областной архив Октябрьской революции (МОАОР), ф. 2304, оп. 1, д. 2.

[3] МОАОР, ф. 2304, оп. 1, д. 2.

Организация советской милиции и уголовного розыска в Москве

«Диктатура пролетариата, — указывал В. И. Ленин, — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила» [1]. Победить эту силу можно было лишь с помощью самой строгой централизации власти и железной дисциплины. Упрочение диктатуры пролетариата требовало создания специального органа в лице советской милиции и уголовного розыска как составной части государственного аппарата. Главной задачей этих органов было обеспечение и поддержание общественного порядка и революционной законности в стране, охрана государственной собственности, имущества и личности советских граждан.

В конце 1917 и начале 1918 года в Москве еще не было строгого разграничения функций между Красной Гвардией и милицией. Главной опорой революционной власти была Красная Гвардия, находящаяся в распоряжении Советов. К началу 1918 года в отрядах московских красногвардейцев насчитывалось более 12 тыс. человек [2].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 27.

[2] См. «Правда» 9 февраля 1918 г.

Одной из важных обязанностей красногвардейцев, указывалось в воззвании штаба Красной Гвардии Благуше-Лефортовского района, была «охрана от хулиганства, провокационных и контрреволюционных выходок разбитой наголову буржуазии с ее приспешниками и установление революционного порядка» [1]. Красная Гвардия по решению Моссовета от 24 января 1917 г. «в целях прекращения грабежей и самочинных вооруженных обысков» провела большую работу по изъятию оружия у населения [2]. Немалую роль в проведении этого важного мероприятия сыграло постановление Президиума Моссовета о конфискации всех видов оружия, заложенного в ломбардах [3].

Деятельность Красной Гвардии по охране революционного порядка была важной и полезной, но сводить ее роль к функциям милиции было нельзя. В Москве, как уже говорилось, имелся громоздкий милицейский аппарат, доставшийся в наследство от уничтоженного революцией градоначальства. Встал вопрос о том, как реорганизовать городскую милицию, чтобы поставить ее на службу советскому государству.

Московский Совет 14 ноября 1917 г. принял решение о создании Совета Московской народной милиции. Основной задачей нового органа было организовать службу московской милиции в соответствии с декретом от 28 октября 1917 г. о создании рабочей милиции, упорядочить состав и наладить деятельность 44 милицейских комиссариатов Москвы [4].

Совет милиции подчинялся непосредственно комиссару по гражданской части Москвы.

В декабре 1917 года вопрос о милиции приобрел в Москве особое значение, так как город был объявлен на военном положении [5]. Московская партийная организация большевиков обратила самое пристальное внимание на

---

[1] «Листовки Московской организации большевиков, 1914—1925 гг.», Госполитиздат, 1954, стр. 145.

[2] См. «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» 24 ноября 1917 г.

[3] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 216.

[4] См. «История Москвы», т. VI, кн. 1, изд-во АН СССР, 1957, стр. 106.

[5] См. «История Москвы», т. VI, кн. 1, изд-во АН СССР, 1957, стр. 124.

милицейскую работу. 10 декабря 1917 г. состоялось расширенное заседание Московского комитета РСДРП (б) совместно с представителями районов, которое специально разбирало этот вопрос. Спустя два дня Исполнительная комиссия Московского комитета РСДРП(б) вынесла постановление, в котором, в частности, намечалось разграничение функций между милицией и Красной Гвардией. Красная Гвардия должна была привлекаться для помощи лишь в наиболее серьезных случаях, «для чего участковые комиссары входят в соглашение с районным штабом Красной Гвардии» [1].

В связи с введением военного положения в городе Московский Совет 18 декабря поручил всем учреждениям, ведающим охраной города: штабу МВО, штабу Красной Гвардии, комиссару по гражданской части и коменданту Москвы принять все необходимые меры охраны.

24 декабря 1917 г. Президиум Московского Совета признал необходимым для борьбы со скупкой краденого и воровством издать обязательное постановление от имени комиссара по гражданской части о том, что «в случае обнаружения скупки краденого, владельцы лавок будут арестовываться, имущество их конфисковываться и лавки закрываться» [2]. В тот же день М. И. Рогову было поручено срочно подготовить приказ о запрещении азартных игр и закрытии игорных притонов, а при обнаружении последних о конфискации всех денег [3].

В проведении этих мероприятий комиссар опирался на Совет милиции и непосредственно подчиненные ему отряды рабочих-самокатчиков, конный эскадрон, а также группу балтийских матросов, посланных Центробалтом по указанию В. И. Ленина в Москву для охраны общественного порядка. С помощью этих сил была проведена операция по привлечению к ответственности «лиц, виновных в изготовлении, хранении и продаже спиртных напитков». Многие рестораны, чайные, трактиры, где торговали водкой, по решению Моссовета от 14 декабря были закрыты, а имущество их хозяев конфисковано [4].

---

[1] ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, д. 3.
[2] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 216.
[3] Там же.
[4] Там же.

Для борьбы против контрреволюционных сил, а равно для борьбы с хищничеством, спекуляцией, саботажем и мародерством в Москве в декабре 1917 года был создан Революционный трибунал. Следственная комиссия трибунала имела право ареста и задержания преступников. Решения трибунала были окончательными и обжалованию не подлежали.

Введение военного положения в Москве показало, что дела в милиции обстоят неблагополучно. На службе во многих комиссариатах числились лица с явно антисоветскими настроениями, некоторые из них поступили на работу в милицию задолго до революции. Были и такие, которые служили еще при царе. В целях очищения милиции от враждебных элементов, по предложению М. И. Рогова, Совет милиции 4 января 1918 г. издал приказ об увольнении в недельный срок всех лиц, служивших «в полиции при Николае Кровавом. Увольнению подлежат все без исключения, какие бы посты они ни занимали» [1]. В то же время на работу в милицию привлекались проверенные люди из числа рабочих, особенно красногвардейцы. Официально требования для приема на службу в милицию были оформлены несколько позже — осенью 1918 года в соответствующей инструкции НКВД. На работу принимались только граждане РСФСР, вполне грамотные, пользующиеся избирательным правом в Советы депутатов, признающие Советскую власть; категорически запрещалось принимать лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли или живущих на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы от имущества), служителей различных культов, сотрудников бывших жандармских отделений и чинов полиции [2].

29 января 1918 г. Президиум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов утвердил Положение о народной милиции, в котором были определены ее задачи, функции и организационная структура. В соответствии с этим Положением в Совет милиции вошли: комиссар по гражданской части города, комиссар по наружной охране, пять (избираемых) районных комиссаров, комиссар по хозчасти, комиссар по уголовно-розыскной части, два

---

[1] МОАОР, ф. 2304, оп. 1, д. 19.
[2] СУ 1918 г. № 75, ст. 813.

представителя от коллегии участковых комиссаров и два представителя от профсоюза милиционеров (последние на срок не более 6 месяцев, после чего избирались новые). «В компетенцию Совета милиции как органа административно-законодательного (директивного. — *И. К.*) входят все вопросы, касающиеся комиссариата народной милиции, за исключением вопросов, проводимых в жизнь обязательными постановлениями органов центральной власти...», — указывалось в Положении от 29 января 1918 г. При милиции был создан специальный «орган надзора за правильным и точным выполнением распоряжений и инструкций Совета милиции», укомплектованный из районных комиссаров. Исполнительным органом, указывалось в Положении о народной милиции Москвы, является участковый комиссариат, «состоящий из трех неделимых частей: уголовно-следственной, административной и наружной охраны». Специально созданный юрисконсульский отдел был призван разъяснять все вопросы юридического характера, идущие с мест; следить «за согласованностью постановлений Совета милиции с существующим законодательством страны» [1].

Вскоре Совет милиции подготовил ряд инструкций, в которых, в частности, определялись задачи советского милиционера: «Милиционер, — указывалось в одной из таких инструкций, — есть защитник имущества и спокойствия населения и общественного порядка. Милиционеры находятся в полном подчинении комиссара и помощников комиссара, распоряжения которых, относящиеся к делу надзора за порядком общественной безопасности, должны исполняться беспрекословно» [2].

Однако успешная деятельность милиции зависела прежде всего от правильного руководства, а Совет народной милиции ограничился чисто административными мероприятиями—изданием инструкций и положений. Он не всегда вникал в практическую работу на местах. Участковые комиссариаты критически относились к руководящему органу, пытавшемуся, не изучая положения на местах, распоряжаться и давать директивы. Так, в апреле 1918 года Совет милиции принял решение о введении в уголовной

[1] МОАОР, ф. 2304, оп. 1, д. 18.
[2] МОАОР, ф. 2304, оп. 19, д. 18.

милиции 8-часового рабочего дня и передаче всех документов по борьбе с преступностью в управление наружной милиции. Как только об этом стало известно Ф. Э. Дзержинскому, по его указанию немедленно было созвано заседание ВЧК. На этом заседании Ф. Э. Дзержинский отметил вредность такого решения. 15 апреля 1918 г. ВЧК постановила: «Признавая недопустимость передачи уголовного розыска в ведение наружной милиции и вместе с тем несоответствие своему положению некоторых лиц из состава уголовной милиции, войти в Московский Совет рабочих и крестьянских депутатов с предложением передать уголовную милицию в ведение Комиссариата юстиции, учредить контрольную комиссию для фильтровки состава. Решение Московского Совета милиции исполнением приостановить до 1 мая и вместе с этим войти в тесный контакт с уголовной милицией» [1].

В резолюции собрания участковых комиссаров Москвы 14 марта 1918 г. прямо указывалось, что «Совет милиции в настоящее время работает вне всякой связи с Советами рабочих и солдатских депутатов как центральными, так и районными, и находится в совершенно неуловимых взаимоотношениях с общественными и демократическими организациями гор. Москвы». В резолюции отмечалась «полнейшая оторванность» Совета от местных комиссариатов, отсутствие у него должного политического авторитета, засилие в его работе бюрократизма и т. д. Собрание потребовало возбудить «вопрос о неработоспособности Совета милиции во всех Советах рабочих и солдатских депутатов» и провести перестройку московской милиции [2].

Недостатком в деятельности московской милиции, и в том числе ее Совета, было также и то, что в течение долгого времени не была налажена партийно-политическая работа среди милицейского состава. В ряде комиссариатов не были организованы партийные ячейки. Лишь в марте 1918 года состоялось первое общее собрание членов РКП(б) — служащих московской народной милиции, принявшее решение об усилении партийной работы среди милиционеров. Собрание констатировало, что «на местах достаточной организованности членов РКП(б) не имеется,

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 76, оп. № 1, ед. хран. 1144.
[2] МОАОР, ф. 66, оп. 3, д. 868.

а следовательно, партийная работа проводится слабо... Партячейки, где таковые имеются, слабо ведут политическую пропаганду, чувствуется оторванность от партийных центров». Собрание единогласно постановило для большей продуктивности партийной работы и для укрепления Советской власти осуществить следующие меры: 1) немедленно создать партячейки во всех комиссариатах; 2) установить тесную связь с районными партийными организациями; 3) учесть всех товарищей коммунистов, могущих занять командные должности; 4) усилить борьбу с контрреволюцией; 5) организовать группу агитаторов; 6) для общего руководства партработой среди милиционеров избрать бюро; 7) сформировать боевые добровольческие дружины из числа проверенных рабочих и т. д. [1].

В апреле 1918 года Совет милиции был практически упразднен. Несколько позже, в июне 1918 года, при Моссовете был создан административный отдел, в который в качестве подотдела по наружной охране вошла общегородская милиция. При административном отделе был также создан в июне 1918 года специальный уголовно-розыскной подотдел, до этого существовавший как уголовно-розыскная милиция Москвы.

Московский уголовный розыск создавался постепенно в течение всего 1918 года. На первом этапе, до июня месяца действовала уголовно-розыскная милиция. С первых дней победы пролетарской революции Советская власть справедливо рассматривала уголовно-розыскную работу как органическую часть общемилицейской службы. В одной из инструкций, принятой Советом милиции, прямо указывалось: «Московская уголовно-розыскная милиция является составной частью московской народной милиции, ее деятельность протекает в тесном контакте с общей милицией. Уголовно-розыскная милиция ставит общей целью возбуждение преследования за преступления и проступки, какой характер они бы ни носили» [2].

Первое время организация и состав уголовно-розыскной милиции оставались без особых изменений. Начальником до мая 1918 года был бывший начальник сыскной полиции К. Маршалк. Это объяснялось тем, что молодое

---

[1] МОАОР, ф. 2304, оп. 1, д. 18.
[2] Там же.

Советское государство не имело еще опыта по ведению уголовно-розыскной работы. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что в дни революции Маршалк занял выжидательно нейтральную позицию, заявляя, что уголовный розыск не интересуется политикой, стоит над классами, ибо борется против преступности, одинаково опасной для всех людей. Тогда многие склонны были разделять эту ложную «теорию».

Одновременно был учрежден пост комиссара. Комиссаром московской уголовно-розыскной милиции был назначен коммунист К. Г. Розенталь. Примечательно, что в Совет народной милиции от уголовно-розыскной милиции входил не ее формальный начальник Маршалк, а комиссар, который один имел право подписывать приказы. Именно комиссар был ответственным перед Советской властью за работу уголовно-розыскной милиции.

В инструкции по уголовно-розыскной милиции говорилось: «Комиссар уголовно-розыскной милиции является ответственным перед Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Советом народной милиции. Комиссар уголовно-розыскной милиции совместно с начальником уголовно-розыскной милиции ежедневно выслушивает доклады инспекторов и дает соответствующие распоряжения... Комиссар уголовно-розыскной милиции еженедельно докладывает Совету народной милиции о всех преступлениях и проступках, имевших место за означенный срок»[1]. Каждый день, в 12 часов К. Розенталь докладывал комиссару по гражданской части М. И. Рогову о всех происшествиях и вместе с ним вырабатывал план мероприятий по уголовно-розыскной работе.

В мае 1918 года начальником уголовно-розыскной милиции был назначен К. Розенталь (вместо бежавшего за границу Маршалка).

С ликвидацией Совета милиции и созданием уголовно-розыскного подотдела при административном отделе Моссовета в июне 1918 года начался новый этап в организации московского уголовного розыска. Уголовно-розыскной подотдел состоял в момент его образования из административного управления и подотдела активного розыска. В подотделе активного розыска было 15 инспекторских

---

[1] МОАОР, ф. 2304, оп. 1, д. 18.

отделений. В каждом отделении в среднем имелось до 30 сотрудников. Для борьбы с преступностью вне Москвы были образованы иногороднее и железнодорожное отделения [1]. Кроме того, при уголовном розыске имелась ранее созданная боевая дружина в количестве 117 человек [2]. До марта 1918 года уголовно-розыскная милиция не имела собственных вооруженных отрядов и обращалась за помощью к конной милиции. В марте была сформирована специальная охранная команда в составе 45 милиционеров, 15 конвоиров и 14 балтийских матросов [3], но этот отряд не мог оказать должного сопротивления бандитизму.

5 октября 1918 г. коллегия Народного комиссариата внутренних дел утвердила Положение о советском уголовном розыске, в котором указывалось, «что он создается для охраны революционного порядка, путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». Для общего руководства работой уголовного розыска при Главном управлении рабоче-крестьянской милиции, находящемся в ведении Наркомата внутренних дел, было создано Центральное управление уголовного розыска, начальником которого 10 октября 1918 г. был назначен К. Розенталь [4].

Работа Центрального управления уголовного розыска некоторое время практически ограничивалась центральным районом страны, в первую очередь Москвой и Московской губернией, так как связь с отдаленными городами и районами была нерегулярной.

В ноябре 1918 года в соответствии с постановлением коллегии НКВД от 5 октября 1918 г. о создании на местах специальных отделов уголовного розыска в Москве было образовано городское управление уголовного розыска (сокращенно МУУР), начальником которого в апреле 1919 года был назначен работник ВЧК А. И. Трепалов.

Создание советского уголовного розыска в Москве означало прежде всего внедрение в работу розыска новых принципов, в корне отличных от методов буржуазного сыска. Деятельность советского уголовного розыска должна была быть подчинена выполнению основных задач со-

---

[1] См. «Красная Москва», М., 1922, стр. 637.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 6, ед. хран. 16.
[3] См. «Красная Москва», М., 1922, стр. 640.
[4] ЦГАОР, ф. 393, оп. 16, ед. хран. 2.

циалистического строительства. Его непосредственная обязанность заключалась в том, чтобы вести решительную борьбу с преступностью. Эту задачу можно было успешно выполнить только опираясь на широкие массы трудящихся, на их активное участие в охране общественной безопасности.

В своем письме к местным Советам рабочих и солдатских депутатов об организации уголовного розыска в городах Российской Федерации Центральный уголовный розыск писал: «Дело уголовного розыска в России, бывшее при царском режиме в суровых тисках жандармерии и полиции, конечно, не могло быть поставлено на той желанной высоте, на которой должна находиться эта в высшей степени важная для всякого цивилизованного государства деятельность... Все без исключения сознательно работающие в этой области должны проникнуться мыслью об исключительной важности их деятельности, особенно в настоящий момент, для мирного развития и преуспевания государства... Настало время поставить дело сыска на научную высоту и создать кадры действительно опытных сотрудников, научных специалистов. В наследие от проклятого царского режима у нас остался полуразрушенный, никуда негодный сыскной аппарат с сотрудниками, на которых, большей частью, широкие слои населения смотрели (и часто справедливо) как на элемент сомнительной нравственности, обделывающий свои личные дела с преступным миром. Такое положение терпимо дальше быть не может.

Надо исправить все это и обставить деятельность сыска так, чтобы ни тени подозрения не падало на доброе имя деятеля уголовного розыска, охраняющего нравственность и устои государственные» [1].

В Москве сразу же после победы революции началась коренная перестройка всей работы уголовного розыска. Специально назначенный в уголовно-розыскную милицию комиссар К. Розенталь с помощью комиссара по гражданской части Москвы М. И. Рогова и группы коммунистов, выполняя указания Московского Комитета партии большевиков, развил активную деятельность по внедрению новых принципов работы.

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 6, ед. хран. 4.

Так, 17 апреля 1918 г. был издан приказ, в соответствии с которым сотрудники уголовно-розыскной милиции, нарушившие революционную законность, подлежали аресту и суду военного трибунала [1]. Это было важно, так как имели место случаи произвольных и необоснованных действий со стороны некоторых сотрудников, в частности из числа старых работников. Принципиальное значение также имел приказ от 20 апреля 1918 г., который категорически запрещал принимать заявления, не имеющие прямого отношения к уголовно-розыскной работе (имущественные споры, бракоразводные дела и т. д.), а также оказывать «частные услуги» [2]. В развитие этого приказа 14 мая 1918 г. было издано дополнительное распоряжение о запрещении брать деньги от потерпевших «на покрытие якобы расходов по розыску похищенного». «Советский уголовный розыск, — указывалось в этом приказе, — государственное учреждение, а не частная контора, и на покрытие расходов по розыску отпускаются специальные суммы за счет ассигнованных на содержание уголовно-розыскной милиции кредитов» [3].

Одним из важных принципов деятельности советского уголовного розыска следует считать быстроту оперативных действий. В приказе № 45 от 27 июля 1918 г. ставилась задача — все законные требования граждан и учреждений «исполнять немедленно, без всякой волокиты» [4]. О каждом случае какой-либо задержки в проведении оперативных мероприятий предлагалось ставить в известность заявителей.

Наряду с указанными требованиями перед советским уголовным розыском ставилась также задача добиться максимальной раскрываемости преступлений. До революции в Москве сыскное отделение, имевшее многолетний опыт и разветвленный аппарат сыщиков, не доводило уровень раскрываемости преступлений выше 45% и это считалось пределом. Совершенно по-иному ставился вопрос о борьбе с преступностью после победы социалистической революции. Советская власть поставила своей целью иско-

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 16, ед. хран. 16.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

ренить преступность. Сделать это можно было лишь при активной помощи самого населения.

Для привлечения масс к борьбе с преступностью и повышения бдительности граждан широко использовалась печать. В газетах публиковались материалы о борьбе с преступностью, регулярно освещалась деятельность уголовного розыска по разоблачению и поимке преступников, печатались призывы и обращения Моссовета, ВЧК, Красной Гвардии, милиции и т. д. Особенно важную роль сыграла печать в работе по предупреждению и раскрытию преступлений с помощью самих масс. Это отвечало основным целям строительства нового социалистического общества и воспитания людей в коммунистическом духе.

В практической деятельности советского уголовного розыска предотвращение преступлений означало прежде всего достижение наибольшей раскрываемости преступлений. В. И. Ленин писал: «Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обусловливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым» [1].

Этот важнейший ленинский принцип был положен в основу всей деятельности советского уголовного розыска, стремящегося с первых же дней своего существования добиться максимальной раскрываемости преступлений для их предотвращения в будущем. Приказ № 66 от 29 августа 1918 г. по Московскому уголовному розыску был специально посвящен этому вопросу. Все сотрудники розыска были разделены на три категории в соответствии с их показателями в работе. Перевод из низшей категории в высшую в целях более справедливой оценки труда, как указывалось в этом приказе начальника уголовно-розыскного подотдела К. Розенталя, производился с учетом показателей в работе: «у сотрудников первой категории процент раскрытий должен быть не ниже 50 процентов, у сотрудников второй категории — 35 процентов и третьей категории — 20 процентов. Работников, у которых процент раскрытия будет ниже 15 процентов, я считаю неспособными к розыскной службе, и они должны будут

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 373.

оставить таковую. Инспекторам, субинспекторам, агентам, процент раскрытий у коих окажется от 75 процентов и выше, мною будет исходатайствована дополнительная в виде вознаграждения плата, смотря по серьезности раскрытых преступлений»[1].

С целью обобщения передового опыта и повышения профессионального мастерства сотрудников уголовного розыска с первых же дней Советской власти была начата работа по выработке научно-обоснованных методов борьбы с преступностью. В приказе № 3 от 16 апреля 1918 г. по предложению комиссара К. Розенталя помощнику начальника уголовно-розыскной милиции поручалось разработать и в спешном порядке представить «проект организации при Управлении московской розыскной милиции музея»[2]. Так было положено начало созданию музея криминалистики в Москве.

Несколько позже, в апреле 1919 года, в Москве по решению правительства были открыты курсы повышения квалификации и подготовки кадров для уголовного розыска. Местным советским и партийным органам предлагалось командировать на учебу «людей опытных, честных, по возможности, коммунистов»[3]. Работа курсов имела большое значение для формирования высококвалифицированных кадров. Подготовка и воспитание работников советского уголовного розыска велись при непосредственном руководстве партийных организаций.

В отличие от кастовой замкнутости старого буржуазного сыска и его полной изоляции работники советского уголовного розыска принимали самое активное участие в политической жизни страны. Например, общее партийное собрание коммунистов — сотрудников московского уголовного розыска приняло резолюцию о том, что «работы на субботниках для всех обязательны и неявившиеся должны быть наказаны»[4]. Было решено также принять участие во всенародном движении помощи фронту, для чего был отчислен двухнедельный заработок и двухнедельный паек для Красной Армии[5]. Коммунисты — сотрудники Москов-

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 16, ед. хран. 16.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 16, ед. хран. 16.
[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 6, ед. хран. 1.
[4] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 651.
[5] Там же.

ского уголовного розыска выступали с докладами на политические темы, устраивали специальные митинги и вечера, вели большую политико-воспитательную работу [1].

Следует иметь в виду, что сотрудникам уголовного розыска в то время приходилось работать в очень тяжелых условиях: не хватало людей, опыта, транспорта, времени для нормального ведения оперативно-розыскной деятельности. В отчете начальника Московского уголовного розыска за 1918 год указывалось, что «за первый год пролетарской революции Управление не успело окрепнуть и стояло на довольно шатких основаниях. Нам пришлось очистить состав сотрудников, в числе которых находилось большое количество бывших полицейских... Пришлось беспощадными мерами бороться со старым закоренелым гноем — взяточничеством... Мы радикально изменили и улучшили внутреннюю работу управления. Тут пришлось много работать и переустраивать...» [2].

Сотрудники Московского уголовного розыска сумели преодолеть эти трудности, организовать свою работу в соответствии с новыми требованиями и развернуть боевую деятельность по борьбе с преступностью. Особенно острый характер приняла борьба с бандитизмом как наиболее опасной разновидностью уголовных преступлений.

---

[1] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 651.
[2] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 216.

Работа уголовного розыска

В течение некоторого времени после победы революции преступность в Москве была весьма значительной, чему способствовало наличие большого числа всякого рода анархо-бандитских групп. Разгул анархо-бандитизма представлял в то время немалую опасность. «Под видом выступления против буржуазии анархистская черная гвардия, насчитывающая более двух тысяч человек, захватывала особняки, производила аресты, обыски, накапливала оружие и т. д.»[1]. В состав анархистских групп входило большое число уголовных преступников-рецидивистов, освобожденных из тюрем по амнистии Временного правительства. Анархисты захватили в Москве 25 особняков, в которых устроили свои притоны. Не проходило дня без ограблений и убийств, совершенных анархистами.

По данным Московского уголовного розыска за первый квартал 1918 года в Москве было совершено 1876 уголовных преступлений[2]. Ежедневно в районные Советы приходили люди, требовавшие избавить жителей Москвы от постоянной угрозы быть раздетыми или убитыми среди дня.

Вопрос о бесчинствах анархо-бандитских групп специально рассматривался на заседании Моссовета, который

---

[1] «История Москвы», т. VI, кн. 1, изд-во АН СССР, 1957, стр. 150.

[2] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 651.

21 февраля 1918 г. принял специальное постановление. В постановлении указывалось: «Ввиду того, что а) анархисты производят целый ряд захватов и нападений на особняки с ценными историческими и художественными произведениями искусства, б) что под видом анархистов выступают громилы и грабители, которые производят хищения и пьянствуют, предложить 1) комиссару тов. Рогову не допускать таких захватов, не останавливаясь перед применением вооруженной силы, 2) указать идейным вождям анархизма на необходимость принятия мер к предотвращению такого рода выступлений со стороны анархистов»[1].

Анархисты, однако, не реагировали на это предупреждение и продолжали свою преступную деятельность. С переездом Советского правительства из Петрограда в Москву в марте 1918 года вопрос об охране общественного порядка в новой столице молодой социалистической республики стал особо важным.

Борьба с уголовной преступностью в то время носила политический характер: преступники действовали совместно с контрреволюционными силами.

В. И. Ленин в записке Ф. Э. Дзержинскому о необходимости создания Всероссийской комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК) писал: «Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов... Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»[2].

Первым крупным боевым мероприятием Советской власти по наведению общественного порядка в Москве было разоружение анархо-бандитских групп.

3 апреля 1918 г. ВЧК обратилась через газету «Известия» к населению Москвы с призывом развернуть всеобщую борьбу с бандитами и их покровителями и пособниками из анархистских организаций. Обращение ВЧК имело важное политическое значение, означавшее переход Советской власти в решительное наступление на преступ-

---

[1] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 216.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 336.

ный мир. «...Первейшей задачей ВЧК, — указывалось в обращении, — будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия самовольных захватчиков и обыкновенного жулья, осмелившихся скрываться и выдавать себя за анархистов, красногвардейцев и членов других революционных организаций».

Все население Москвы призывалось к спокойствию и активному содействию Советской власти в ее борьбе с враждебными преступными элементами, мешающими строительству нового социалистического общества. ВЧК призвала население помочь разоблачить и обезвредить преступников, ибо «только общими усилиями твердой власти и друзей свободной России мы можем непоколебимо и могущественно утвердить начало нового строя революционно-социалистической России».

Все лица, имеющие оружие, предупреждались ВЧК о необходимости регистрации, в противном случае их привлекали к «самой суровой ответственности». Очень важно было указание, что все взрывчатые вещества, бомбы, гранаты и т. д., находящиеся в распоряжении частных лиц и организаций, не получивших на то особого разрешения, «должны быть сданы в ВЧК немедленно». Это требование было направлено против анархо-бандитских групп, которые накапливали оружие для антисоветской борьбы.

В Обращении к населению Москвы 3 апреля 1918 г. содержалось особое предупреждение в адрес всех уголовных преступников: «Лицам, занимающимся грабежами и убийствами, захватами, налетами и прочими тому подобными преступными деяниями, предлагается в 24 часа покинуть Москву или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная вперед, что через 24 часа после опубликования этого заявления все застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреливаться»[1].

Несмотря на столь грозное предупреждение, преступные элементы продолжали бесчинствовать, нарушая нормальную жизнь столицы. Это вынудило Советскую власть принять самые решительные меры. 11 апреля 1918 г. состоялось экстренное заседание ВЧК совместно с предста-

---

[1] «Известия» 3 апреля 1918 г.

вителями Моссовета, уголовно-розыскной милиции, Красной Гвардии и всех районов города. Было решено в ночь на 12 апреля приступить к разоружению анархо-бандитских групп. С вечера особняки анархистов были оцеплены, расставлены пулеметы, произведен ряд арестов, районные Советы предупреждены. Всего было намечено к ликвидации 25 очагов. Всей операцией руководил Ф. Э. Дзержинский. В 12 часов против занятых анархистами особняков были выставлены броневики, и осажденным предложили выдать оружие. Большинство групп после незначительного сопротивления сдались и выдали оружие, однако в ряде мест анархисты оказали отчаянное сопротивление. В ходе операции было разоружено и арестовано около 400 человек, отобрана масса оружия, продовольствия, золота и т. д.[1].

В целях опознания бандитов среди задержанных анархистов ВЧК поместила в газете «Известия» за подписью Ф. Э. Дзержинского объявление: «Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при СНК приглашает всех граждан, пострадавших от вооруженных ограблений, явиться в уголовно-розыскную милицию (3-й Знаменский пер., рядом с адресным столом) для опознания грабителей, задержанных при разоружении анархистских групп, в течение 3-х дней от 12 до 4 часов, считая первым днем 13 апреля»[2].

На следующий день в уголовно-розыскную милицию пришло несколько десятков граждан. Многие из арестованных, хотя и утверждали, что они «идейные анархисты» и не связаны с уголовным миром, были опознаны пострадавшими как грабители и убийцы.

Следственная комиссия после тщательной проверки всех материалов обнаружила, что так называемых «идейных анархистов» было всего человек 20—30, но и они были не особенно разборчивы в средствах, ибо брали у уголовных элементов награбленные ими деньги. «Груда материалов, взятых при обысках, обнаруживает отвратительную картину тунеядства, разврата и воровства»[3].

---

[1] См. «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии», Госполитиздат, 1958, стр. 105—106.

[2] «Известия» 13 апреля 1918 г.

[3] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 393.

В беседе с корреспондентом газеты «Известия» в середине апреля 1918 г. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский указывал: «нашей задачей с самого начала возникновения Чрезвычайной комиссии, как органа борьбы с антиреволюционными явлениями, была борьба с преступностью во всех ее проявлениях. Поэтому совершенное нами очищение города в ночь на 12 апреля следует рассматривать как одно из наших мероприятий, осуществленное в широком масштабе» [1]. Ф. Э. Дзержинский подчеркивал, что Советская власть будет продолжать с должной энергией очищать город от преступных элементов. В помощь уголовно-розыскной милиции Москвы при ВЧК был образован особый подотдел по борьбе с уголовной преступностью.

Первая крупная наступательная операция, проведенная Советской властью против преступности в Москве, сыграла важную роль в борьбе за наведение должного общественного порядка. Разоружение групп анархистов и арест ряда крупных уголовных преступников-рецидивистов, состоявших в этих организациях, привели к некоторому снижению преступности. Число налетов и грабежей несколько сократилось.

В какой-то мере борьба с преступностью тормозилась тем, что местные народные суды и революционные трибуналы применяли мягкие меры наказания.

Так, местный народный суд Мясницкого участка Москвы приговорил бандита Громова за участие в погромах и грабежах к тюремному заключению сроком на один год условно [2]. Народным судом Яузского участка за кражу государственного имущества Алексеев С. Н. был приговорен к общественному порицанию [3]. За первую половину 1918 года московскими судами было приговорено к тюремному заключению на непродолжительные сроки всего 40% осужденных [4], а остальные были приговорены к ус-

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии», Госполитиздат, 1958, стр. 107.

[2] См. П. Г. Мишунин, Очерки по истории советского уголовного права, 1917—1918 гг., Госюриздат, 1954, стр. 185.

[3] См. там же.

[4] См. там же, стр. 200.

ловному наказанию, к денежному штрафу, общественному порицанию и т. д.

Такая мягкость репрессий в отношении опасных уголовных преступников становилась с каждым днем все более недопустимой. Суровые условия классовой борьбы требовали, чтобы ко всем врагам революции, в том числе к преступникам-рецидивистам, применялись бы самые строгие карательные меры, вплоть до расстрела. «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся, — гневно писал В. И. Ленин. — Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам» [1].

В целях очищения Москвы от «всех рыцарей уголовного мира» в ночь на 15 мая 1918 г. войска ВЧК, отряды уголовно-розыскной милиции и красногвардейцы провели крупную операцию по задержанию бандитов в районе Верхней и Нижней Масловки. При проведении операции были задержаны бандиты, терроризировавшие Москву. В ходе следствия выяснилось, что многие из задержанных были участниками ограбления Военно-промышленного комитета, где налетчики захватили 250 тыс. руб., а также кооператива земского союза (где было захвачено 196 тыс. руб.) и конторы Бландовых (было захвачено 40 тыс. руб.). Членами этой шайки был совершен и ряд других вооруженных налетов. Бандиты, задержанные в ночь с 14 на 15 мая, имели винтовки, револьверы, бомбы. При обыске у некоторых из них были найдены трубки с хлороформом. Пойманные и разоблаченные бандиты были расстреляны.

Приблизительно в это же время в Москве была ликвидирована крупная шайка, занимающаяся контрабандной торговлей наркотиками: обнаружены притоны, где продавались и хранились опиум, кокаин и другие наркотические средства [2].

Для усиления борьбы с ворами был создан специальный летучий отряд. Сотрудники этого отряда ежедневно создавали «особые патрули 1) по два сотрудника на каж-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 372.
[2] МОАОР, ф. 4619, оп. 2, д. 13.

дый из 9 вокзалов за два часа до отхода каждого поезда, 2) по одному сотруднику во все театры и сады»[1].

Первые широкие наступательные действия против преступников в Москве, проведенные в апреле — мае 1918 года, сыграли важную роль в борьбе с бандитизмом, но это было лишь начало упорной и жестокой борьбы с преступностью.

---

[1] МОАОР, ф. 4619, оп. 2, д. 13.

Совет Народных Комиссаров о вооруженных грабежах и налетах в Москве

С началом иностранной военной интервенции и гражданской войны преступные элементы активизировали свою деятельность. В третьем квартале 1918 года, например, было совершено 4093 уголовных преступления, в то время как во втором квартале — 2620 [1]. Всего за 1918 год в Москве было зарегистрировано 13 082 уголовных преступления, которые по отдельным видам распределялись так: убийства — 164 (из них 16 покушений), грабежей — 991, краж — 11 036, других — 890 [2]. В Московском уголовном розыске была выделена специальная группа «для исключительной работы по раскрытию преступлений важного характера» [3]. В целях очищения Москвы от уголовно-преступного элемента 12 августа 1918 г. был издан приказ по Московскому уголовному розыску, в котором ставилась задача взять на учет лиц без определенного места жительства и занятий «на предмет высылки по этапу... как вредного и ненужного балласта среди трудового населения Москвы» [4].

Это было тем более необходимо потому, что бандитизм, погромы, грабежи, убийства были по существу особой фор-

[1] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 651.
[2] См. «Красная Москва», М., 1922, стр. 637.
[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 16, ед. хран. 16.
[4] МОАОР, ф. 4619, оп. 2, д. 13.

мой классовой борьбы против диктатуры пролетариата. В своей работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин указывал: «Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями... с другой стороны, эта стихия действует извнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса» [1].

Важное значение для работы милиции имело развернутое постановление НКВД и НКЮ «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», опубликованное в конце октября 1918 года [2]. «Ввиду чрезвычайных условий, переживаемых в настоящее время Россией, — указывалось в этом документе, — необходимо по-новому, более организованно поставить дело охраны революционного порядка милицией». Все существовавшие отряды милиции, нередко действовавшие неорганизованно, без координации с другими органами, не имея необходимых установок и инструкций, теперь обязаны были неукоснительно руководствоваться во всей своей работе данным постановлением (инструкцией). В постановлении специально подчеркивалось, что «Советская Рабоче-крестьянская милиция является исполнительным органом Рабоче-крестьянской центральной власти на местах, состоящей в непосредственном ведении местных Советов, и подчиняется общему руководству Народного Комиссариата по внутренним делам» [3]. Постановление подробно определяло организационную структуру милицейского аппарата, номенклатуру должностей, обязанности милиции и т. д. В целях организованного привлечения граждан к добровольному несению обязанностей по охране общественного порядка на местах создавались советские отряды милиции, находящиеся всецело в распоряжении Советов. Служба в этих отрядах продолжалась 6 месяцев и выполнялась безвозмездно. Весьма строго определялись требования приема на службу.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 235—236.
[2] СУ 1918 г. № 68, ст. 734.
[3] СУ 1918 г. № 75, ст. 813.

Постановление четко определяло задачи и функции милиции. «Советская милиция, — гласила ст. 25, — стоит на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Главной ее обязанностью является охрана революционного порядка и гражданской безопасности». К предметам ведения милиции были отнесены: 1) предупреждение и пресечение нарушений порядка, установленного Советской властью, ее декретов и распоряжений, производство розысков и дознаний по уголовным делам под руководством и указанием народных судей и следственных комиссий; производство в порядке, предусмотренном особым циркуляром Народного комиссариата по внутренним делам, обысков, осмотров, выемок как по постановлению народных судов и следственных комиссий, так и в особых случаях по своей инициативе для пресечения сокрытия следов преступления [1].

Постановление НКВД и НКЮ сыграло положительную роль в улучшении работы советской милиции по всей стране, в том числе в Москве. Требовалась упорная организационно-воспитательная работа. Особенно остро эта задача стояла в Москве, где положение было крайне напряженным. Подвоз продовольствия почти совсем прекратился. Население получало по восьмушке черного хлеба в день, да и то не всегда. Люди голодали, топить было нечем. Контрреволюционные силы распускали зловещие слухи, сеяли среди населения панику. Охвостье буржуазии — торговцы, спекулянты, разложившиеся интеллигенты всячески подрывали дисциплину, нарушая нормальную жизнь столицы. Только в октябре 1918 года было зарегистрировано 1136 уголовных преступлений [2]. Особенно опасные размеры приняли грабежи и налеты на государственные учреждения, банки, кассы и т. д., чему нередко способствовали халатность и беспечность некоторых руководителей предприятий. Бандиты забирали деньги, ценности, продукты, угоняли автомашины, чтобы их использовать для налетов и грабежей и т. д. Например, преступники в результате вооруженного налета на контору завода «Богатырь» похитили 6 млн. руб., в конторе «Главсахар» налетчикам удалось взять 2 млн. руб. Ограблению

---

1 СУ 1918 г. № 75, ст. 813.
2 МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 5651.

подверглись также типография Сытина, помещение Замоскворецкого райсовета, несколько кассиров-артельщиков, получивших в банке большие суммы денег для выплаты заработной платы рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений. Грабители совершали налеты на почтовые отделения и даже конвои, под охраной которых везли крупные суммы денег и т. д.

Вооруженные грабежи и налеты в Москве приняли настолько опасный характер, что вопрос о борьбе с ними рассматривался на заседании Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина 11 ноября 1918 г. В результате было принято постановление об усилении охраны государственных и финансовых учреждений, более четкой организации их работы по выдаче денег, а также повышении ответственности руководителей за сохранность денежных средств. Совет Народных Комиссаров постановил также: «Назначить следственную комиссию из представителей Народного комиссариата внутренних дел, юстиции, ВЧК для расследования вины представителей Советской власти, допустивших возможность ограбления Центральной коллегии пленных и беженцев, и Народного Комиссариата по военным делам. Созыв комиссии поручить тов. Петровскому»[1].

Борьба с бандитизмом приняла особенно острый характер после января 1919 года.

В январе бандиты совершили ряд особенно дерзких нападений. Так, 19 января банда Кошелькова напала на В. И. Ленина[2]. Вечером 19 января 1919 г. В. И. Ленин выехал из Кремля в Сокольники, чтобы навестить нахо-

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, фонд 19, протокол СНК № 22 от 11 ноября 1918 г.

Г. И. Петровский в то время занимал пост Народного комиссара внутренних дел.

[2] В воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича, бывшего управляющего делами СНК, сообщается, что нападение на В. И. Ленина имело место 24 декабря 1919 г. (В. Д. Бонч-Бруевич, Три покушения на В. И. Ленина, изд-во «Федерация», 1930). В газете «Известия» от 9 февраля 1919 г., т. е. задолго до даты, указанной Бонч-Бруевичем в сообщении «Борьба с бандитизмом», писалось: «Одновременно раскрыт случай разбойного нападения на тов. Ленина и установлены личности, совершившие это нападение». Как точно установлено по архивным материалам, случай этот произошел 19 января 1919 г.

дившуюся в одном из детских домов больную Н. К. Крупскую. Вместе с Владимиром Ильичем ехали его сестра Мария Ильинична, шофер Гиль и помощник Гиля Чубаров. Недалеко от бывшего пивного завода Калинкина (ныне Завод безалкогольных напитков, ул. Русакова, дом 13) на дорогу выбежали четыре вооруженных человека. «Стой!» — закричали они. Гиль хотел было проскочить мимо. Но Владимир Ильич, полагая, что это патруль, предложил ему остановить машину. Один из неизвестных резко открыл дверцу автомобиля и, угрожая пистолетом, приказал всем выйти из машины. Наставив на В. И. Ленина и его спутников пистолеты, бандиты забрали у них документы, выхватили из бокового кармана Владимира Ильича браунинг, сели в машину и скрылись.

Владимир Ильич Ленин попытался сразу же организовать погоню за бандитами, для чего, по его предложению, была остановлена идущая навстречу санитарная машина. Однако эта машина оказалась не совсем исправной и преследовать бандитов на ней, как определил Гиль, было невозможно. Тогда В. И. Ленин со своими спутниками быстро направился в неподалеку расположенный Сокольнический районный Совет. Владимир Ильич по телефону связался с зам. председателя ВЧК Петерсом и поставил его в известность о случившемся. Гиль, по указанию В. И. Ленина, позвонил в автобазу СНК и срочно вызвал машину с вооруженными красноармейцами для преследования бандитов. В это время пришел председатель Сокольнического Совета, Владимир Ильич, обращаясь к нему, как об этом пишет В. Д. Бонч-Бруевич со слов т. Гиля, сказал: «Я никогда не думал и даже предположить не мог, что почти у самого Совета, на глазах постовых совершаются такие дела, открытые грабежи, и никаких мер Совет не принимает по охране граждан от насилий. Наверное, такие случаи у вас нередки. Грабят ли у Вас в вашем районе на улицах граждан? — задает вопрос Владимир Ильич и пристально с укоризной смотрит на председателя.

— Да, случается нередко, — смущенно отвечает председатель.

— А что же вы предпринимаете?

— Боремся, как можем, — говорит председатель.

— Но, очевидно, не так энергично, как нужно, — от-

вечает Владимир Ильич. — Надо, товарищ, надо взяться за это серьезно»[1].

После разговора с В. И. Лениным, В. Д. Бонч-Бруевич сразу же позвонил Ф. Э. Дзержинскому, но тот уже знал обо всем от Петерса и принял необходимые меры. Всем органам ЧК и милиции была передана экстренная телефонограмма, в которой сообщалось, что 19 января в 9 часов на Сокольническом шоссе отнят автомобиль грабителями, которые разъезжают в нем по городу, а именно по Садово-Кудринской, Зубовскому бульвару и проехали по направлению к Замоскворечью. Приметы автомобиля — черный, крытый, № 10—48, при открытии дверок автоматически поднимаются подножки.

В тот же вечер у Крымского моста постовой милиционер Олонцев и красноармеец Латышской стрелковой дивизии Петров опознали машину В. И. Ленина, в которой ехали бандиты, и попытались ее задержать. Завязалась перестрелка. В неравном поединке милиционер Олонцев и красноармеец Петров были убиты. Однако преступники вынуждены были бросить машину и бежать. Как было установлено, бандиты, воспользовавшись захваченной машиной, совершили в тот вечер несколько вооруженных ограблений.

В целях обнаружения места пребывания скрывшихся преступников сотрудниками Московского уголовного розыска был произведен обход и обследование многих домов и гостиниц, где могли найти себе приют бандиты. Спустя некоторое время их имена были установлены и преступники пойманы. Розыском и задержанием преступников руководил Ф. Э. Дзержинский.

В ночь на 22 января бандиты убили 22 постовых милиционера. Этот дерзкий налет играл на руку контрреволюции. Необходимо было принимать решительные меры.

22 января 1919 г. заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс созвал экстренное совещание представителей ВЧК, МЧК, Московского Совета, милиции, уголовного розыска и ряда общественных организаций[2]. Совещание должно было выработать общий план «мер по борьбе

---

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. Три покушения на В. И. Ленина, изд-во «Федерация», 1930, стр. 124.

[2] МОАОР, ф. 19, оп. 1, д. 15.

с бандитизмом в пределах города Москвы». Совещание наметило три главных направления в работе. Во-первых, было решено «объединить всю борьбу с бандитами в Москве в уголовной милиции», возложив на нее главную ответственность. Во-вторых, совещание подчеркнуло необходимость мобилизации широких масс населения, для чего в качестве первого шага было решено «выработать обращение к населению Москвы и указать в нем, чтобы оно само принимало участие и помогало в борьбе с бандитами». В-третьих, был выработан ряд конкретных мер по укреплению аппарата милиции и уголовного розыска, а также улучшению их оперативной работы. В этих целях совещание решило придать милиции «нужную силу» и «улучшить положение милиции в материальном отношении, боевом и количественном». Московской Чрезвычайной комиссии вместе с районными ЧК было поручено помочь провести обследование всех мест, в которых могли найти убежище преступники. Весьма важным также было решение «принять меры к улучшению транспорта, без коего борьба тормозится». Совещание сформировало специальную Комиссию по борьбе с бандитизмом в Москве, которой было поручено в трехдневный срок «выработать меры к полному уничтожению бандитизма».

В Комиссию по борьбе с бандитизмом вошли представители от ВЧК, МЧК, Адмотдела Моссовета и от уголовного розыска. Комиссия в соответствии с решениями совещания постановила объединяющим центром признать Административный отдел Моссовета. Было решено с целью усиления борьбы с бандитизмом увеличить штат московской милиции до 8 тыс. человек, повысить оклад милиционерам «до размеров среднего заработка квалифицированного рабочего», обеспечить их питанием, пятизарядными винтовками, форменной одеждой и т. д. Очень важными были решения об укреплении аппарата милиции и уголовного розыска проверенными кадрами и о том, чтобы впредь на работу новых людей принимать лишь «через центральную приемочную комиссию при Адмотделе Моссовета и исключительно с рекомендациями партийных или профессиональных организаций». В распоряжение уголовного розыска по специальному решению Комиссии по борьбе с бандитизмом были предоставлены три легковых и две грузовых автомашины, а также пять

лошадей (до этого уголовный розыск имел одну автомашину).

Одновременно была проведена чистка аппарата уголовного розыска, в результате которой было уволено 152 сотрудника, нарушивших революционную законность [1].

Комиссия по борьбе с бандитизмом постановила также срочно установить в театрах, на вокзалах, рынках и других общественных местах дополнительно 100 телефонных аппаратов.

Комиссия подготовила проект обращения ко всему населению Москвы, которое 25 января 1919 г. от имени Моссовета было опубликовано в газете «Известия». В обращении говорилось: «В городе за последние дни участились случаи разбойных нападений. С обнаглевшими бандитами начата решительная борьба, в которой население должно содействовать органам Советской власти. Бандитизм, нарушающий нормальное течение жизни Москвы, будет твердой рукой искоренен как явление, дезорганизующее и играющее на руку контрреволюции. О всех случаях нападения немедленно звонить по телефону 1-34-90, 1-20-82 и 3-92-64. Обо всех подозрительных лицах сообщать в Московскую Чрезвычайную комиссию, Лубянка, дом 14» [2].

В этом же номере газеты было напечатано также специальное обращение ВЧК, в котором сообщалось, что ввиду усиливающихся бандитских налетов и грабежей, которые наносят большой ущерб населению, Чрезвычайная комиссия считает себя обязанной вести самую решительную и беспощадную борьбу с бандитизмом, вплоть до его полного уничтожения. Комиссия призвала домовые комитеты и все население немедленно сообщать о всех подозрительных лицах, живущих без прописки, не работающих и ведущих паразитический образ жизни. ВЧК предупреждала: «при несообщении своевременно» о бандитах и их действиях гражданами и домовыми комитетами виновные в укрывательстве преступников будут привлекаться «к строжайшей ответственности вплоть до

[1] МОЛОР, ф. 66, оп. 12, д. 651.
[2] «Известия» 25 января 1919 г.

заключения в концентрационный лагерь для принудительных тяжелых работ»[1]. Этим был нанесен удар по пособникам и укрывателям бандитов.

В борьбу с уголовной преступностью включились войска Московского гарнизона. 26 января 1919 г. на первой странице газеты «Известия» под крупным заголовком «Москва на военном положении» был опубликован приказ начальника Московского окружного комиссариата по военным делам. На основании чрезвычайных полномочий, предоставленных постановлением Совета Народных Комиссаров от 20 мая 1918 г. об объявлении Москвы на военном положении, приказывалось: «Всем военным властям и учреждениям народной милиции в пределах линии Московской окружной железной дороги расстреливать всех уличенных и захваченных на месте преступления, виновных в производстве грабежа и насилий».

Всем гражданам Москвы, имеющим какие-либо сведения о местопребывании преступных элементов, предписывалось немедленно сообщать лично или по телефону в отдел охраны по военным делам Московского окружного комиссариата. В случае утайки таких сведений виновные подлежат наказанию «наравне с бандитами, коих они укрывают»[2].

Развернутые обращения к населению Москвы, суровое предупреждение о привлечении к ответственности лиц, виновных в укрывательстве бандитов, точное указание, куда и к кому обращаться, — все это сыграло большую роль в мобилизации народных масс на борьбу с бандитизмом.

---

[1] «Известия» 25 января 1919 г.
[2] «Известия» 26 января 1919 г.

Разгром бандитских групп в Москве

Большая работа по борьбе с преступностью, проведенная в предшествующий период, а также серия оперативных мероприятий, осуществленных под руководством Комиссии по борьбе с бандитизмом, позволили выявить и обезвредить почти все крупные бандитские шайки в Москве. Задержание бандитов-рецидивистов было сопряжено с большой опасностью: преступники оказывали яростное вооруженное сопротивление. Нелегко было и обнаружить скрывающихся бандитов, но здесь активную помощь оказали жители Москвы, сообщавшие в уголовный розыск о подозрительных лицах. Положительную роль сыграло то обстоятельство, что в помощь Московскому уголовному розыску была придана особая группа Московской Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом. Благодаря умелой организации работы и повседневной опоре на широкие слои трудящихся вскоре были достигнуты значительные успехи.

29 января 1919 г. сотрудники уголовного розыска и особой группы МЧК установили место пребывания банды крупных преступников-рецидивистов. Бандиты оказали яростное вооруженное сопротивление. После перестрелки четверо бандитов были задержаны. При обыске у них были отобраны деньги, револьверы, бомбы. Как выяснилось на следствии, один из задержанных бандитов Волков совершил много дерзких преступлений, в том числе убийств, он участвовал совместно с бандитом Кошелько-

вым в вооруженном нападении на В. И. Ленина 19 января 1919 г. Все пойманные бандиты были приговорены к расстрелу. Приговор был вскоре приведен в исполнение [1].

В феврале 1919 года в результате настойчивых поисков удалось задержать крупного налетчика Павлова (по кличке «Козуля»). При обыске у него было отобрано два револьвера и ценные золотые вещи. Этот бандит был организатором ряда крупных вооруженных налетов на советские учреждения и банки, участвовал в убийстве постовых милиционеров в ночь на 22 января 1919 г. и самокатчиков ВЧК 29 января 1919 г.

За многочисленные грабежи, убийства и погромы бандит Павлов и задержанный вместе с ним бандит Кириллов были приговорены к расстрелу.

Узнав из печати о расстреле группы крупных бандитов-рецидивистов, население почувствовало, что уже прошли времена, когда погромщики и грабители могли бесчинствовать безнаказанно.

Сотрудники уголовного розыска произвели обход и обследование всех гостиниц и частных квартир, в которых могли найти приют преступники. В результате этой операции было задержано до 200 преступников, в том числе 65 опасных рецидивистов, которым уже неоднократно приходилось отбывать тюремное заключение. Было с точностью установлено, что они «в курсе всех дел по совершенным за последнее время разбойным нападениям и хорошо знают всех участвующих в последних бандитских выступлениях. Большинство совершенных преступлений благодаря удачному задержанию указанных выше 65 человек можно считать в данный момент уже раскрытыми, личности бандитов, принимавших участие в этих преступлениях, точно установлены, обнаружены также квартиры, служившие местом сборища бандитов и их совещаний перед совершением того или иного разбойного набега» [2]. При обыске одной такой «квартиры» было обнаружено и отобрано 2 винтовки, 2 нагана, 2 маузера, 3 браунинга, 1000 штук патронов к винтовкам и револьверам и 8 бомб [3].

---

[1] См. «Известия» 13 февраля 1919 г.
[2] «Известия» 3 февраля 1919 г.
[3] См. «Известия» 3 февраля 1919 г.

Таким образом, за сравнительно короткий период в результате активной деятельности работников уголовного розыска и особой группы МЧК с помощью населения были обезврежены многие бандиты-рецидивисты, терроризировавшие население Москвы.

Важное значение в борьбе с преступностью имел декрет СНК от 3 апреля 1919 г. «О Советской рабоче-крестьянской милиции», подытоживший накопленный опыт работы и поставивший совершенно ясные и четкие задачи перед всеми работниками советской милиции. В декрете было записано: «В целях более успешной борьбы с преступностью и для улучшения состава рабоче-крестьянской милиции Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Содержание всех видов милиции, находящихся в ведении Народного комиссариата внутренних дел, принимается на государственный счет.

2. Милиционеры, агенты уголовного розыска и командный состав милиции, подлежащий призыву в ряды Красной Армии, остаются на своих местах и считаются прикомандированными к отделам управления...

4. В милиции вводится обязательное обучение военному искусству и военная дисциплина. При обучении военному делу руководствоваться уставами и постановлениями, принятыми для Красной Армии...

7. Оружие и военное снаряжение отпускается советской милиции Народным комиссариатом по военным делам из образцов, не предназначенных на текущие потребности Красной Армии» [1].

Положение в республике и Москве значительно улучшилось. Однако многие опасные бандиты еще не были пойманы. Преступная деятельность бандитов с каждым днем приобретала все более отчетливую антисоветскую окраску. Свидетельством этого является тот факт, что бандиты, зверски убив в апреле 1919 года сотрудников МЧК Королева и Ведерникова, завладели их документами и стали действовать открыто, всячески дискредитируя органы ЧК. Под видом обысков они устраивали грабежи в квартирах граждан, отбирали драгоценности и деньги. Дерзость их дошла до такой степени, что

[1] СУ 1919 г. № 13, ст. 133.

они производили обыски даже на заводах в присутствии значительного числа рабочих. В целях обмана бандиты приглашали представителей заводского комитета, якобы для присутствия при обыске, предъявляли им документы сотрудников МЧК и забирали ценности. Так было совершено ограбление одного из заводов, где преступники взяли больше 1 кг золота в слитках, несколько катушек платиновой проволоки и 25 тыс. руб. деньгами.

Пользуясь документами сотрудников МЧК, бандиты своими грабежами вызывали много нареканий со стороны широких масс населения. Враги Советской власти стали еще более активно распространять лживые слухи о том, что в Московской Чрезвычайной комиссии и в Московском уголовном розыске работает много преступников, которые, пользуясь покровительством властей, открыто отбирают вещи у населения и т. д. Для доказательства подобного рода утверждений нередко приводились примеры из преступной деятельности Кошелькова и его сообщников.

В целях опровержения этих враждебных слухов Ф. Э. Дзержинский 26 февраля 1919 г. написал специальное письмо в редакцию газеты «Известия», в котором сообщал: «Ввиду распространяемых слухов, якобы уголовные преступники Грежчук Генрих (Барон), Янчак Степан (Амер) и Поплавский Антон были сотрудниками и следователями ВЧК, довожу до сведения, что все это сплошной вымысел. Упомянутые лица были как уголовные преступники арестованы ВЧК и сотрудниками комиссии никогда не были» [1].

Опубликование официального опровержения, несомненно, сыграло свою роль и значительно затруднило деятельность преступников. Однако для полного успеха нужно было как можно скорее ликвидировать все бандитские группы. Сделать это было нелегко. Потребовалось исключительное мужество и самоотверженность сотрудников уголовного розыска, их смекалка и инициативность. Борьба была жестокой. Как правило, бандиты, чувствуя, что им приходит конец, оказывали яростное вооруженное сопротивление, применяли револьверы, бомбы и т. д. В вооруженных схватках с врагом погибли смелые

---

[1] «Известия» 26 февраля 1919 г.

работники МЧК, милиции и уголовного розыска—тт. Богданов, Иванов, Ведерников, Рыков и др. Самоотверженность и геройство проявили в этой борьбе тт. Трепалов, Пупко, Лелюхин, Матин, Филаретов, Агафонов, Данильченко, Мартынов, Шиндлер, Кукушкин, Байков, Журов, Яковлев, Ирченко и многие, многие другие.

В марте 1919 года работникам уголовного розыска удалось во время одной из облав задержать несколько бандитов из группы Кошелькова, но сам главарь и кучка его сообщников сумели бежать под прикрытием револьверного огня и бомб. Спустя некоторое время вновь удалось напасть на след Кошелькова, но последнему опять удалось скрыться. Лишь в июне 1919 года после ряда оперативных комбинаций и ареста большинства членов шайки было точно установлено, где должны собраться бандиты группы Кошелькова для разработки плана налета на кассу в г. Щелково. Ночью работники уголовного розыска устроили в этом доме и близ него вооруженную засаду. В 5 часов утра, как и предполагалось, к дому подошли Кошельков и бандит Емельянов. Работники уголовного розыска, находившиеся в засаде, попытались их задержать, но преступники начали отстреливаться из маузеров. В перестрелке оба бандита были убиты. У них были обнаружены три бомбы, два маузера, браунинг, принадлежавший В. И. Ленину, документы убитых чекистов тт. Ведерникова и Королева, золотые вещи и деньги в сумме 63 тыс. рублей.

Большую работу по очищению Москвы от преступных элементов провела коллегия Московского управления уголовного розыска, действующая в тесном контакте с Комиссией по борьбе с бандитизмом. Главной задачей Коллегии было: «1) ликвидировать шайки бандитов, орудовавших в Москве и окрестностях и своими действиями наводивших панику на население, 2) обратить внимание не только на усиление работы по раскрытию тех или иных преступлений, но также и на предупреждение таковых, 3) изолировать уголовный элемент от общества посредством отправки его в исправительно-трудовые лагери»[1].

Обратив особое внимание на разработку статистических данных «дабы возможно было точно исследовать

---

[1] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 651.

преступления и их причины»[1], Коллегия МУРа приняла решение рассматривать на своем заседании каждое уголовное дело. Работники уголовного розыска докладывали на Коллегии о том или ином преступлении, давая подробную характеристику обвиняемым. Дела бандитов, задержанных с оружием в руках и уличенных в погромах и грабежах, Коллегия посылала «на рассмотрение в МЧК для применения к ним высшей меры наказания»[2]. Дела о хищениях и преступлениях по должности передавались в ревтрибуналы. Дела о квартирных кражах и воровстве направлялись в народные суды. Преступники, не имеющие определенного места жительства и работы, по решению Коллегии МУРа направлялись на разные сроки (от одного до шести месяцев) в специальные трудовые лагеря; список этих лиц утверждался МЧК, а копии посылались в Административный отдел Моссовета. За вторую половину 1919 года Коллегия МУРа отправила в лагеря 1048 бандитов, в народные суды было передано 1316 дел, в ревтрибунал — 236, в МЧК — 272[3].

Общее число уголовных преступлений в Москве сократилось в 1919 году по сравнению с 1918 годом с 13 082 до 10 506, т. е. на 20%. Еще более заметным было сокращение опасных преступлений: грабежей и убийств. Если в 1918 году было зарегистрировано 991 ограбление, то в 1919 году их число сократилось почти втрое и равнялось 358 (из них 273 вооруженных). Весьма резко сократилось и число убийств, причем особенно во второй половине 1919 года, когда с основными бандами было покончено. Если в начале 1919 года ежемесячно совершалось 12—16 убийств, то в конце года их было в три раза меньше.

Следует особо подчеркнуть, что за два года упорной борьбы Московский уголовный розыск приобрел серьезный опыт работы, работники его значительно повысили свою квалификацию, о чем свидетельствует постоянный рост раскрываемости преступлений. Так, в 1919 году было раскрыто почти на тысячу преступлений больше (4923 против 4001), чем в 1918 году. В 1918 году не было ни

---

[1] МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. 651.
[2] Там же.
[3] Там же.

одного месяца, когда бы общая раскрываемость преступлений превышала 38%, чаще всего она равнялась 31—34% (в июле, например, 21%). Это был крайне низкий показатель, свидетельствующий о слабой работе уголовного розыска. В 1919 году улучшается квалификация работников, повышаются показатели. Среднемесячный уровень раскрытия преступлений превышает 40—45%, а в августе 1919 года он достиг 57%. Характерно, что в течение 1919 года в Москве было зарегистрировано 273 вооруженных ограбления, из которых до 1 января 1920 г. было раскрыто 141.

Наиболее высокие показатели в работе были достигнуты в отношении раскрываемости таких опасных преступлений, как убийства. Из 113 случаев, имевших место в 1919 году, 99 были полностью раскрыты. Причем характерно, что благодаря накопившемуся опыту и возросшему мастерству сотрудников Московского уголовного розыска во второй половине 1919 года стали раскрывать такие преступления, которые до этого раскрыть не удавалось.

При этих условиях ликвидация наиболее опасных шаек в Москве в 1918—1919 гг. могла означать вместе с тем окончательное искоренение бандитизма. Успехи в борьбе с бандитизмом пришли не сразу, они были завоеваны упорной и героической борьбой, активными участниками которой были работники советского уголовного розыска.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Коваль Иосиф Яковлевич

«ЖЕСТОКАЯ БОРЬБА»

(ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО
УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА 1917—1919 гг.)

Редактор *М. М. Левина*
Художник *М. З. Шлосберг*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *Л. К. Хлопова*
Корректор *Н. Н. Квартальнова*

Сдано в набор 13/XII 1962 г. Подписано в печать 14/III 1963 г. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Объем: физ. печ. л. 2; усл. печ. л. 3,28; учетно-изд. л. 2,98. Тираж 75 000. А-00786. Цена 7 коп. Заказ 934.

Госюриздат—Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УЦБ и ПП Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29

7 коп.

ГОС
ЮР
ИЗДАТ